

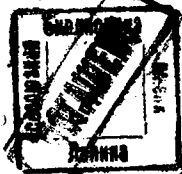
W 235 / 791 gal
ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

И. К. ЛУППОЛ

W 235 / 791
**ЛЕНИН КАК ТЕОРЕТИК
ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Марксист — лишь тот,
кто распространяет при-
знание борьбы классов
до признания диктату-
ры пролетариата.

Н. Ленин.

I.

Охарактеризовать учение Ленина о пролетарском государстве на нескольких страницах, быть может, значительно труднее, чем представить его в немногих ярких и боевых с искуственным пафосом словах или чем изложить это учение в объемистой книге. Первый путь, путь краткой эпитафии, уже выполнен пролетариатом в надгробной надписи, в которой исчерпывающая полнота диалектически претворилась в исчерпывающую краткость: ЛЕНИН. Второй путь, путь обширных монографий, только открывается и может быть пройден лишь в несколько лет. Остается средний путь, путь небольшой статьи, пожалуй, наиболее тернистый, ибо отделить от всегда и везде ценного материала из наследия Ленина материал ценнейший — дело нелегкое. С другой стороны, все мы, и не только активные участники пролетарской революции в России, но и созерцатели ее, настолько впитали в себя учение Ленина о проле-

тарском государстве, настолько сжились с ним, что оно стало нашим общим достоянием, элементарным обиходом действительности, в котором имя творца учения как бы растворилось полностью.

Как алгебра выводит определенную величину из-под знака радикала, так русская революция вывела, т. е. осуществила, советскую республику, которая с первых минут февральского „бунта“ уже стояла под знаком Ленина. И потому теперь, совершая обратное действие, подводя теорию и практику пролетарского государства под знак Ленина, рискуешь неминуемо навлечь на себя упрек в повторении общеизвестных истин, в „открытии“ того, что еще никем не забыто, что еще не сделалось достоянием истории.

Заслуга Ленина была бы таким же „открытием“, если бы не было забыто, большие того, если бы не было умышленно и неумышленно погребено учение марксизма о государстве, в частности о пролетарском государстве. Именно потому, что было заброшено и во всяком случае осталось непонятым марксистское учение о государстве в связи с революцией, первым делом Ленина в 1917 году была марксистская революция в учении о государстве. И прежде чем учение Маркса о пролетарском государстве осуществилось в революции, осуществилась революция Ленина в учении о пролетарском государстве.

Ленин восстановил учение Маркса о государстве; это — азбучная истина. Но он не восстановил, да и не мог восстановить, это учение так, как восстанавливает картину реставратор. Ленин — меньше всего реставратор. Мысли Маркса и Эн-

гелса о государстве не были собраны ими ни в „трактате“, ни в „монографии“, ни в „учебнике“. Они разбросаны ими в десятках произведений на протяжении полусотни лет. Но было бы неправильно думать, что вся заслуга Ленина, — а это уже — заслуга, — в том, что он собрал эти мысли в одну книжку, реконструировал марксистское учение о государстве, как археолог реконструирует по нескольким обломкам статую или палеонтолог по нескольким костям — скелет вымершего животного. Ленин — меньше всего реконструктор. Он не только реставрировал и реконструировал марксову теорию государства, но и истолковал ее, развил то, что было в ней заложено.

Ленин истолковал учение Маркса о государстве, — вторая азбучная истина. Но как истолковал? Каутский, Кунов и другие тоже истолковывают это учение. „Открывает ли „истинного“ Маркса, его (Ленина) истолкование — стало предметом проникнутого политическим пылом спора. Мы знаем, почему этот спор полностью никогда не разрешится, мы ясно видим, что ленинское истолкование служит не филологическим, а исключительно политическим целям. К действию (*zum Handeln*) призывает ленинское учение о революционном переходном времени 1917 года еще непосредственнее, чем такое же учение его учителя Маркса, начиная с 1848 года“ ¹⁾.

¹⁾ Friedrich Lenz. „Staat und Marxismus“. Grundlegung und Kritik der marxistischen Gesellschaftslehre. Stuttgart, 1922.

Оставляя буржуазному критику Ф. Ленцу его тайну неразрешимости спора (действительность уже разрешила этот спор), мы должны сказать, что он правильно подметил действенный момент учения Ленина. Именно не „филологическим“ целям служит ленинское истолкование учения Маркса, а целям политическим. Всеу законы писать, коли их не исполнять. Всеу писать о понимании Марксом диктатуры пролетариата, если не стремиться перевести ее из возможности в действительность. Моменты „филологической“ и логической интерпретации марксизма, которые тоже имеются у Ленина, должны быть подчинены высшему моменту осуществления марксизма в революции.

Ленин не только восстановил и действительно истолковал учение Маркса о пролетарском государстве, но и провел его в жизнь. Этим мы высказываем, вероятно, третью азбучную истину. Но так как все относящееся к ней уже выходит за пределы очерченных нами рамок, в дальнейшем мы ограничимся указанием того, что было подчеркнуто, дополнено и развито Лениным в марксистском учении о государстве в связи с пролетарской революцией.

II.

Бесклассовое коммунистическое общество будущего не появляется на мировой арене как *deus ex machina*, оно не вылетает подобно Афине из головы Зевса; его возникновение — не мгновенная химическая реакция, проистекающая из соединения двух разнородных элементов. В долгой и мучительной борьбе рождается оно из недр старого капиталистического общества. Это последнее в самом себе таит зародыш будущего хозяйственного строя, в корне отличного от анархической системы производства строя настоящего. Обе экономических системы персонифицируются в двух основных общественных классах: буржуазии и пролетариата.

С развитием капиталистического строя, которое на известной ступени является уже скрытой его деградацией, происходит все больше и больше обострение классовой борьбы. В то время как буржуазия стремится беспрерывно воспроизводить капиталистический строй, а в нем самое себя, пролетариат, сплавиваемый теснее и теснее силою самих вещей, стремится этот строй уничтожить и поставить на его место строй планомерного хозяйства, при котором, говоря словами советской конституции, „не будет ни деления на классы, ни государственной власти“.

Государство, продукт классового общества, является его „официальным резюме“. Господствующий экономический класс именно в государстве конституируется как господствующий. Государство — та организация буржуазии, в которой она воспроизводит себя, тот аппарат, которым она подавляет и угнетает пролетариат, та оболочка общества, которая до поры до времени служит буржуазии гарантией сохранности капитализма.

Неудивительно поэтому, что вся борьба классов есть борьба политическая, что пролетариат все силы свои устремляет на разрыв этой предохранительной оболочки, капиталистического общества. А стремясь к коммунизму, к обществу бесклассовому, он тем самым стремится к уничтожению государства вообще. Там, где нет классов, нет объективно и нужды в аппарате для подавления одного класса другим. Государство — категория историческая, преходящая. Будущее безгосударственное состояние диалектически вмещает в себе и коммунистический момент прошлого, и развитый технический момент настоящего. Эта азбука марксистской диалектики извращается ренегатами марксизма и служит исходным пунктом их в лучшем случае непонимания учения Маркса и Ленина о государстве.

Один из самых серьезных теоретических противников ленинизма в вопросах государства, Г. Кунов, заявляет: „Если угодно выражаться гегельянски-диалектически, то с правом можно сказать, что, исходя из Гегеля, Маркс хотя и по праву отрицал одну часть гегелевской идеи государства, но застрял на первом отрицании и вовсе не дошел до отрицания отрицания, до разрешения (Aufhe-

bung) своего антитетического понимания в высшее единство, до идеи о государстве, которая связывает понимание государства, как организации господства, с его значением, как великой этнической жизненной общины (Lebensgemeinschaft)¹⁾. Здесь не только чудовищное насилие над материалистической диалектикой, но и полное извращение, решительный отказ от теории Маркса. В этом утверждении вечности государства содержится ведь утверждение вечности классового общества, следовательно, вечности капитализма. Так думает не один Кунов, так думают многие социалисты и марксисты в кавычках, и потому первое, что нам хотелось бы отметить, это — ортодоксальность Ленина, его верность теоретическим положениям Маркса по вопросу о расправе с государством, как организацией для подавления одного класса другим.

Мы сказали, что коммунистическое общество в муках рождается из недр общества капиталистического. Эти родовые муки, созерцаемые *sub specie aeternitatis*, представляются скачком — „прыжком из царства необходимости в царство свободы“, но для их современников, для, быть может, нескольких поколений их, они представляют собою известный период времени, „период революционного превращения“ одного общества в другое, ибо рождение коммунизма означает смерть капитализма.

Ленин, подобно Марксу, не изображает в деталях коммунистического строя, он не дает картины

1) H. Cunow. „Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie“, Berlin 1923, S. 310.

утопии, но всем существом своим решает задачу своего времени. Развившиеся классовые различия давно переплели уже в противоположности, а эти последние в противоречия. Когда противоречия классовых интересов достигают высшей точки, начинается их разрешение в революции. Противоречия капитализма разрешаются в пролетарской революции ценою уничтожения классов. Этот переходный революционный период имеет свою экономику, первым актом которой является экспроприация средств и орудий производства из рук капиталистов. Экспроприация буржуазии, означающая уничтожение ее, как класса, не может быть проведена до конца в одно мгновение. Рудименты капитализма остаются на известное время в экономике переходного периода, а это означает и рудименты классов. Поскольку же есть классы, постольку не может не быть государства. Экономике переходного периода соответствует его „политика“, его политическая надстройка, т.е. государство. Эту неизбежность и необходимость государства переходного периода и подчеркивает в особенности Ленин.

Но государство переходного периода, очевидно, не является простым продолжением, хотя бы и ускоренно развивающимся, государства буржуазного, как надстройки над капиталистическим обществом. Если оно — момент развития последнего, то такой момент, когда количественное нарастание дает новое качество. Можно установить пропорцию: государство переходного периода, пролетарское государство, так относится к государству буржуазному, как экономика переходного периода

относится к экономике капитализма. Поскольку в последней замечаются остатки, „следы“, по выражению Ленина, капитализма, только постольку в пролетарском государстве замечаются „следы“ государства буржуазного.

Над выяснением радикальных отличий пролетарского государства от буржуазного особенно потрудились Ленин. Он в нескольких местах усиленно подчеркивает, что „ввести“ коммунизм нельзя, коммунизм приходит сам; но необходимо „ввести“ пролетарское государство, как первый шаг, исключительно открывающий возможность появления коммунизма. Чем характеризуется пролетарское государство? Как и всякое государство, оно есть насилие. Понятие государства коррелятивно понятию насилия. Пока есть государство, нет свободы; когда есть свобода, уже нет государства. Государство есть зло, по наследству от буржуазии переходящее к пролетариату. Государство пролетариата не есть для него самоцель, каким было государство для буржуазии, но лишь средство вовсе покончить с государством, как формой общежития, вовсе покончив с разделением общества на классы.

Что такое пролетарское государство? Это — „организовавшийся в господствующий класс пролетариат“. Организуясь в господствующий класс, начиная подавление буржуазии, как класса, пролетариат тем самым делает первый шаг к уничтожению себя, как класса, первый шаг к бесклассовому, безгосударственному обществу. Аппарат государства в руках пролетариата, обращаясь против буржуазии, тем самым обращается против

государства вообще. Но чтобы этот аппарат работал хорошо по своему назначению, он должен быть хорошо организован. „Технически“ пролетарское государство должно быть организовано не хуже, а еще лучше, чем буржуазное. Его функции насилия, подавления противоположного класса должны выполняться более быстро, более метко и с большим полезным эффектом, ибо дело идет не об удерживании подавляемого класса в известных рамках угнетения и о воспроизведении его в тех же рамках, как это делала в своем государстве буржуазия, но о полном уничтожении противоположного класса.

Аппарат государства представляет для пролетариата определенную революционную ценность. В самый момент, когда разражается социалистическая революция, пролетариат, первым делом, должен захватить власть в свои руки, ибо начинающееся подавление буржуазии невозможно только путем давления „снизу“, путем стихийных выступлений масс, но должно совершаться и „сверху“, путем организованного давления со стороны пролетарской государственной власти.

Таким образом на первые годы переходного периода устройство, организация и укрепление государства являются одной из основных задач пролетариата. Теоретик и, в то же время, реальный политик Ленин и работает над построением пролетарского государства. Отсюда вовсе не следует, что он признает этот тип государства вечным, что он отказывается в своем коммунистическом мировоззрении от безгосударственного общества будущего. Оно придет само тогда, когда

„отомрет“ пролетарское государство по мере исчезновения классов в обществе.

Этого не могут понять буржуазные критики Ленина, „спокойные и беспристрастные“ исследователи марксизма, застывающие на его „филологическом“ и, надо сказать, произвольном толковании. „В качестве синтеза ленинской социологии замечу я, что в основном он переносит центр тяжести с конечной цели на революционное движение к этой цели“, — и далее: — „в то время как Ленин провозглашает, без сомнения, вопреки марксу (?), революционный путь, „конечная цель“ безгосударственного общества удаляется у него в глубь будущего, по сю сторону которого дело идет о том, чтобы воздвигнуть здание пролетарского государства на развалинах революционизированных государств“, наконец: „Автор „Государства и революции“ таким образом, вопреки собственной воле и мыслям (?), становится из преследователя всякой мысли о государстве государственным человеком и передовым борцом своего собственного государства“ ¹⁾.

В приведенных положениях, взятых нами у того же критика Ленина — Ф. Ленца, единственно правильно то, что он заметил, какую огромную роль признает Ленин за пролетарским государством. Любопытно, что буржуа по идеологии Ленц упрекает Ленина в пристрастии к „государственности“, в то время, как „социалист“ Кунов ставит ему в упрек решительное отрицание этой самой государственности. По Ленцу, Ленин слишком ото-

¹⁾ F. Lenz, op. cit., S. 163—167.

двинул в глубь веков безгосударственное общество, оставив его лишь как „литературный постулат“; по Кунову, Ленин слишком придвинул это безгосударственное состояние, в то время как и Марксу уже следовало отказаться от него, хотя бы и в качестве литературного постулата. В чем же дело и почему критики Ленина оказываются как будто бы в противоположных лагерях? Вопрос разрешается просто, критикам договориться между собой легко, а на противоположном полюсе марксизма остается Ленин. Вся суть в том, о каком государстве, какого типа государстве идет речь. И Ленц, идеолог буржуазии, и Кунов, идеолог мелкой буржуазии, — против пролетарского государства, за сохранение государства буржуазного. Ленин же, идеолог пролетариата и беднейшего крестьянства, за пролетарское государство, как политическую надстройку над экономикой переходного периода и против государства буржуазного. Ленц не против безгосударственного общества, как литературного постулата, лишь бы было сохранено в действительности буржуазное государство. Кунов не против социализма, лишь бы его пытались осуществить в рамках правового государства, т. е. того же буржуазного. Ленин знает, что ни о каком коммунистическом строе не может быть и речи, пока поле деятельности занимает буржуазное государство, и потому он за его уничтожение.

Ни о каком освобождении трудящихся нельзя говорить, пока существует буржуазное государство, как бы ни расширяло оно демократию. Только „расширение“ демократии до степени про-

летарского государства служит трудящимся залогом успеха их дела. Но пролетарское государство качественно отлично от буржуазного. Ленин неоднократно подчеркивает принципиально иной тип пролетарского государства. Оно — государство социально высшего типа, как некогда буржуазное государство было социально высшего типа по сравнению с государством феодальным. Для диалектика, рассматривающего общественные явления в их становлении, все это само собой понятно, но это непонятно для людей с метафизической складкой мышления типа Кунова, которые в буржуазной, по существу, демократии видят предел, его же не преижди. При всех „издержках“ революции экономика переходного от капитализма периода социально выше экономики капитализма. В той же мере политическая надстройка первого выше политической надстройки второго.

Это расположение государств по лестнице их социальных типов есть ленинское приложение диалектики к вопросам государства, есть дальнейшее развитие и обогащение теории марксизма. Относительно можно говорить, что демократическая республика выше, например, конституционной монархии, — такое понимание вполне укладывается в ленинское построение, он так и расценивается, с точки зрения интересов пролетариата, формы правления внутри буржуазного, так называемого правового государства, — но не следует забывать, что эти различия имеют свою ценность только внутри определенного типа государства, именно государства буржуазного. Для Ленина конституционная монархия, парламентарная монархия, демо-

ратическая республика имеют значение, но все это — лишь формы правления внутри одной формы государства. Внутри одной политической структуры общества. Между указанными формами правления разница лишь количественная, между формами государства — разница качественная.

Ленин признает, что демократическая республика есть лучшая из возможных политических надстроек капитализма. „Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике“ ¹⁾. Демократическая республика есть „ближайший подход“ к пролетарскому государству, но только подход. Между демократической республикой, как формой правления буржуазного государства, и между пролетарским государством — скачок, который совершает пролетарская революция. Буржуазная демократия не может быть ни фактически, ни логически формой пролетарского государства.

¹⁾ Н. Ленин. „Государство и революция“. М. 1919, стр. 29.

III.

Буржуазное государство, вся его машина должна быть сломлена, разбита, разрушена в процессе пролетарской революции и чем скорее, тем лучше — это неустанно повторяет Ленин в своем учении о государстве. Даже если этим государством является демократическая республика, она должна быть уничтожена не менее безжалостно. Она — детище капиталистического общества, и провозглашаемое ею формальное равенство является лишь скрытой формой, „справедливой“ видимостью, за которой скрывается все та же эксплуатация трудящихся. Это разрушение и уничтожение старого государства совершается, очевидно, насильственным способом, но чем является, по существу, революция, как не насилием? Однако в то время, как буржуазные политические революции являются в конечном счете насилием меньшинства над большинством не менее, чем дворянские государственные и дворцовые перевороты, пролетарская социальная революция является впервые за все время существования капиталистического строя насилием большинства над меньшинством в интересах этого большинства, а через него и всего человечества.

Нельзя считать насилие абсолютным злом, ибо абсолютного зла нет. Метафизический метод мыш-

ления не может охватить революции, ибо революция глубоко диалектична. Пролетарское государство силою вещей не может утвердиться без насилия. „Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников“, — так писал Ленин еще в 1906 году, и такова диалектика революции.

Пролетарское государство не только не может утвердиться без насилия, но и само оно, поскольку оно государство, есть насилие, орудие, как сказано, для подавления. И если буржуазное государство было, по существу, диктатурой буржуазии, в какие бы демократические оболочки оно ни облекалось, то государство пролетариата не может быть не чем иным, как диктатурой пролетариата. Эти два понятия вполне идентичны и могут с полным правом заменять одно другое. Ленину принадлежит подчеркивание и исчерпывающее разъяснение идентичности этих понятий. Диктатура пролетариата не „форма правления“ пролетарского государства, не „специфическая форма российского государства пролетариата и беднейшего крестьянства, но его alter ego, его синоним.

Что такое диктатура? В этом понятии вовсе не кроется тот смысл, что диктатором может быть лишь одно лицо и что, следовательно, нельзя говорить о диктатуре, как о политическом господстве класса, как того хочет Каутский. Ленин несколько раз давал определение этого понятия именно в связи с господством класса. Первое определение дано им еще в 1906 году, когда он учитывал опыт первой русской революции. Касаясь роли

советов рабочих депутатов в 1905 году, он говорит: „Описанные нами органы власти были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти, никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, незаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть, — это и есть диктатура“ ¹⁾. Власть, не признающая никакой другой нормы, кроме своей, есть диктатура. Но в то время, как диктатура буржуазии опирается, говоря коротко, на вооруженную силу против масс, диктатура пролетариата опирается на народную массу, на вооруженную силу самих масс.

„Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо сломить сопротивление эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя“. За это положение, разъясняющее Маркса и Энгельса и оправданное всем опытом Парижской Коммуны 1871 г. и российской революции 1917 г., Ленин подвергся жестокой критике и не столько из лагеря буржуазного, сколько из право-социалистического лагеря Каутского, Кунова и других. Проблема сводится к взаимоотношению диктатуры и демократии. Каутский договорился до „словечка о диктатуре пролетариата, употребленного Марксом однажды в 1875 году, в письме“. Он и Кунов согласны видеть в Парижской Коммуне диктатуру пролета-

¹⁾ Н. Ленин. Собрание сочинений, том VII, ч. I, стр. 122.

риата, но ведь Коммуна была избрана на основе всеобщего избирательного права, значит никаких изъятий из этого принципа, из этой культурной ценности быть не может. Диктатура пролетариата и есть действие всеобщего избирательного права: „Оба, Маркс и Энгельс, видят в Парижской Коммуне пример пролетарской диктатуры; но являлась ли Парижская Коммуна родом советской диктатуры? Нет, ее деятели были избраны на основе всеобщего избирательного права, и это распространение всеобщего избирательного права было оценено Марксом и Энгельсом как положительное достижение Коммуны“¹⁾).

Кунов не хочет понять, что вопрос о построении избирательного права является уже второстепенным по сравнению с принципиальной формой государства, как диктатуры пролетариата. Он не хочет видеть, что не всеобщее избирательное право дало основание Марксу назвать Парижскую Коммуну диктатурой пролетариата, а ее деятельность, равно как название первого пролетарского государства она получила при всеобщем избирательном праве и вопреки ему потому, что она была принципиально иным типом государства, именно одной из форм государства переходного периода. Наконец, Кунов не хочет замечать тех исторических условий, при которых проходили „всеобщие“ выборы в Коммуну. К моменту выборов, 26 марта, в Париже почти уже не было буржуазии. Наиболее активная ее часть бежала в Версаль после неудачной попытки завладеть пушками нацио-

¹⁾ Н. Суннов, *op. cit.* S. 330.

нальной гвардии на рассвете 18 марта. Бегство продолжалось и после аристократической (белогвардейской, — сказали бы мы теперь) демонстрации 22 марта. Тьеровские войска также были уведены из Парижа. Остатки буржуазии были терроризованы и в выборах почти не принимали участия, что видно из количества выбравших. При двух миллионах жителей Коммуна была избрана 230 тысячами голосов (это соотношение особенно следовало бы Кунову иметь в виду при его рассуждениях о втором принципе формальной демократии: о большинстве и меньшинстве. Наконец, 15 радикалов из общего числа 90 членов Коммуны также вскоре исчезли из Парижа. Только таким образом Коммуна получила пролетарскую власть с небольшой примесью мелко-буржуазных элементов.

Все это мало интересует критика Ленина, для него важно установить, что Коммуна не была советским государством, а значит Советская Россия является не пролетарским государством, осуществившимся учением Маркса, но просто „произвольным господством пролетарского партийного меньшинства или, скорей, определенных руководящих групп“. Перечислив все мероприятия Коммуны, он замечает: „Конечно, можно сомневаться в полезности и совершенной плодотворности всех этих столь глубоко нарушающих старую систему управления мероприятий при тогдашних разрушенных войной отношениях внутри страны, — но во всяком случае они вовсе не устанавливали советской диктатуры“.

Критик Ленина сомневается в полезности и плодотворности всех мероприятий Коммуны, а между тем именно эти мероприятия и дали Коммуне название диктатуры пролетариата. Ленин вслед за Марксом обвиняет Коммуну как раз в обратном: в недостаточности этих мероприятий, в недостаточном разрушении буржуазного государства, в слишком мягкой политике по отношению к буржуазии.

Парижский пролетариат не установил советов, как органов власти, именно потому, что он установил Коммуну, как властный орган пролетарского государства. Маркс не говорит ничего о советах, что особенно подчеркивает Кунов, по той же причине, по какой он ничего не говорил о Коммуне до 1871 года, ибо он теоретически указал место диктатуры пролетариата, но не занимался частными вопросами о конкретной форме построения пролетарского государства. Заслуга Ленина именно в том, что он, давая учение о пролетарском государстве, указывал на возможность в зависимости от исторических и местных условий различных форм правления внутри диктатуры пролетариата, как формы государства. В частности для России уже ясно было с 1905 года, что органами власти в пролетарской России будут только советы. Но Ленин не обобщал этой формы власти до степени универсальности. Иное дело, когда ближайшие пролетарские революции, например, в Венгрии, показали действительную универсальность и гибкость советов, как властных органов трудящихся. Теперь, пожалуй, можно сказать, что русским советам суждено стать таким же прообразом

(прообразом, но не обязательно жесткой моделью) пролетарских органов власти, как некогда английский парламент стал прообразом органов власти буржуазии.

Когда противники Ленина и русской революции выступают против советов, а в скрытой форме и против марксдова понимания диктатуры пролетариата, они боятся за судьбу буржуазной демократии. Они согласны на расширение ее, на „усовершенствование“ буржуазного государства, но они возражают против его разрушения, уничтожения, к чему призывает Ленин. Для последнего демократия не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Коль дело серьезно идет о такой дороге, пужно быстро подвигаться от этапа к этапу и не задерживаться на этапе, хотя бы и „демократическом“. По мысли Ленина, вся буржуазная государственная машина на три четверти, если не больше, должна быть уничтожена и заменена новой, а в известной своей части коренным образом реорганизована.

Отличительная черта Ленина в его учении о государстве состоит в том, что он не замыкается, подобно цеховым юристам, в рамки „науки о государстве“, в рамки государственного права. Говоря об одной стороне государственного аппарата, „угнетательской“ (самые органы власти и их орудия подавления: постоянная армия, полиция и т. п.), он не забывает и о другой стороне, которая еще более исчезает от внимания государствоведов. Это — „связанный особенно тесно с банками и синдика-

тами аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если так можно выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо отрезать, отсечь, отрубить капиталистов с их нитями влияния, его надо подчинить пролетарским советам... И это можно сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом" (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели) ¹⁾. Здесь то, что теперь принято называть „консерватизмом“ Ленина. По существу, это лишь признание коммунизма, как диалектического высшего единства, в котором в снятой форме должны находиться все предшествующие моменты. Но такой „консерватизм“ не распространяется на собственно политический аппарат, не распространяется на буржуазную демократию. Или буржуазная демократия — диктатура буржуазии, или диктатура пролетариата, — третьего нет.

Но для революционного класса нет не только третьего, но и выбора между этими двумя путями. Так называемое рабочее правительство Англии 1924 года не знаменует начала пролетарского государства, поскольку им не сделан шаг к неспровержению буржуазной демократии, поскольку оно остается в рамках парламентаризма. В лучшем случае, смотря по делам его, можно говорить лишь о подготовительных мерах. Но самый переход

¹⁾ Н. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть.

количества в качество, момент, когда „исполняется мера“ совершенствования парламентарной власти, совпадает уже с революцией. Революция доводит до совершенства буржуазную демократию затем, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Так было в начале 1918 года, когда усовершенствованное до последнего предела открытием Учредительного Собрания буржуазное государство было ниспровергнуто государством пролетарским, противопоставившим ему новый орган власти, съезд советов. Можно сказать, что это — общий закон развития всех успешных революций. Так в конце XVIII столетия усовершенствованное до последнего предела собранием генеральных штатов феодальное государство было ниспровергнуто государством буржуазным, противопоставившим новый орган власти, национальное собрание.

Не в полном уничтожении государства вообще смысл ленинского учения, какой ему хочет навязать Кунов, а в уничтожении государства одного типа и замене его государством принципиально иного типа, в данном случае „отмирающим государством, т.-е. устроенным так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать“.

Диалектик Ленин не берет явления абстрактно: государство, демократия, но конкретизирует понятия: какое государство, какая демократия. Поставленный конкретно вопрос уже предопределяет ответ: буржуазная демократия оказывается диктатурой против пролетариата, диктатура последнего против буржуазии оказывается демократией для пролетариата и беднейшего крестьянства, ибо пока существуют различные классы, можно говорить

только о классовой демократии. „История знает буржуазную демократию, сменяющую средневековые, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной“.

Но очевидно, что демократия для буржуазии, для меньшинства, уже, уродливее, чем демократия для трудящихся, для большинства. Вопрос, значит, ставится так: может ли быть в классовом обществе установлена демократия и для буржуазии, и для пролетариата? При единственно возможном отрицательном ответе, вопрос изменяется так: может ли быть демократия сохранена и для богатых, и для эксплуататоров в исторический период уничтожения их, как общественной группы? Но не менее очевидно, что пролетариат не может победить, не подавив насильственно своих противников, а там, где есть насилие, не может быть свободы для насилуемых, не может быть, значит, для них и демократии. Вывод Ленина указывает на это диалектическое развитие демократии: „В демократическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой“ ¹⁾.

¹⁾ Н. Ленин. „Государство и революция“, стр. 114.

IV.

Для установления демократии второго типа пролетариат должен завоевать, захватить власть. Вопрос о захвате государственной власти имеет не только тактическое значение, но и определенный теоретический интерес, поскольку этим актом пролетариат конституирует себя как господствующий класс, поскольку этим актом кладется основа пролетарскому государству. Ленин практически принимает участие в этом процессе и теоретически следит за ним. Объектами его анализа являются, во-первых, Парижская Коммуна и, во-вторых, русская революция 1917 года.

„Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве“, — таков исходный пункт его наблюдений и принцип его анализа. Революции могут совершаться так, что сопротивление общественной группы, стоявшей у власти, быстро ослабевает и государственная власть почти мгновенно переходит в руки новой господствующей группы. Так было в буржуазную революцию 1917 г. Далее, — второй тип развития революции, — возможно, что господствующий класс не сдается без боя, а класс наступающий еще не настолько силен, чтобы вырвать из его рук власть, но достаточно организован, чтобы выставить уже свои органы вла-

сти. Это—состояние двоевластия, в чем Ленин видел особенность Октябрьской революции. Только что получив известие о февральских событиях, Ленин пишет еще в Швейцарии: „Рядом с временным правительством буржуазии возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—советы рабочих и солдатских депутатов в Питере“. Теоретическое значение этого признания Лениным в советах рабочего правительства (а не организации самоуправления) заключается в том, что органы власти пролетарского государства появляются не на другой день после низвержения буржуазной власти, а в зародышевом состоянии, порождаемые все же революцией, они существуют первое время наряду со старой властью, как „власть неофициальная“.

Но может ли такое состояние двоевластия продолжаться долго? Две власти в одном государстве, две государственных власти, означают две диктатуры, а диктатура по самому понятию своему есть власть, ни с кем не разделяемая. В наличии временного правительства, с одной стороны, и советов депутатов—с другой, Ленин усматривал еще в апреле 1917 г. переплетение двух диктатур. И он ставил прогноз: так долго продолжаться не может. „Двух властей в государстве быть не может. Двоевластие выражает лишь переходный момент“. Из двух властей одна должна победить и, очевидно, победит сильнейшая. Эта победа знаменует начало нового государства. Победа советов в России озна-

чала победу пролетарского государства, как победа национального собрания во Франции 1789 г. означала шаг к победе буржуазного государства.

„Захват“ власти пролетариатом вовсе не есть захват в смысле похищения, обмана бдительности сильного противника, его обхода путем хитрости или, наконец, удачного акта небольшой группы заговорщиков. Захват власти пролетариата есть военная победа, открытая атака на сильнейшего противника, прямое завоевание со стороны большинства. Сравнение Кунова Ленина с Бакуниным, сравнения его с Бланки не выдерживают критики и свидетельствуют лишь о непонимании и невежестве сравнивающих в вопросах пролетарского государства. „Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, повинизма оборончества, фразы, зависимости от буржуазии“ 1).

Категории большинства и меньшинства вовсе не предполагают точного подсчета голосов при выборах в представительные учреждения в условиях диктатуры буржуазии. Базироваться исключительно на итогах выборов, значит заниматься „позорной игрой в формальность“, значит пытаться, само собой понятно, безуспешно формально-логическим методом охватить диалектическую действительность. Большинство голосов, отданных канди-

1) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, стр. 26.

датам пролетариата, должно быть последним учтено, как показатель возможности и необходимости приступить к более решительным действиям. Большинство в парламенте, как и легальное условие его проявления—всеобщее избирательное право—есть лишь, — говоря словами Энгельса, — „показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве“.

Куповская и ленинская арифметики оказываются различными. Один, боясь ошибиться и опасаясь в самом деле большинства, осторожно подсчитывает голоса, полученные трудящимися при выборах, и, найдя все-таки большинство, рекомендует консервировать буржуазное государство; другой учитывает „активное большинство революционных элементов народа обеих столиц“ и говорит, что этого достаточно, чтобы увлечь массы. Выводы Ленина, сделанные на канве русской революционной действительности, не есть нечто индивидуальное, только в данной обстановке и в данное время имеющее ценность. Это — формулы первого уравнения в задаче о пролетарской революции. Когда он говорит, что „ждать «формального» большинства у большевиков навряд: ни одна революция этого не ждет“, — слово „большевики“ выражают общее понятие, алгебраическую величину авангарда революционного класса.

Ленин анализирует выборы в районные думы в Москве: в июне 1917 года меньшевики получили 70% голосов, в августе 18%: соответственно — кадеты 67 тысяч голосов и 62 тыс.; большевики 34 тысячи

и 82 тыс. (47—49%, а вместе с левыми эс-эрами, — большинство). Эти цифры для Ленина не мертвы, они живут; это — не постоянные величины: одни из них уменьшаются, другие увеличиваются; это — своего рода „арифметика переменных величин“. Учитывая всю обстановку текущего момента, он видит, что большевистское число к началу октября увеличилось еще больше, и он заключает, что при таких условиях „ждать“ — преступление: „ждать съезда советов — ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции“.

Повторяем, у Ленина это — не частная и пророс партийная директива, не особенный, не имеющий подобия, „случай“ русской революции, но теоретическое положение, намечение момента рождения пролетарского государства; и даже не тактическое указание: „когда должен начаться захват власти“, но закон рождения пролетарского государства: „когда этот захват начинается“. Таким образом устраняется двоевластие.

Этот принцип нащупывания большинства не в цифрах, а в реальном соотношении сил и в среде самого революционного класса, как один из устоев ленинского учения о пролетарском государстве, был выведен им из опыта Парижской Коммуны, в которой в конце концов формальное большинство было за мелкой буржуазией. И, тем не менее, Энгельс называл ее диктатурой пролетариата по делам ее, имея в виду идейно-руководящее участие в ней представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа ¹⁾. Точно так

¹⁾ Н. Ленин. Собрание сочинений, т. VI, стр. 281.

же и Советская Россия не перестает быть диктатурой пролетариата, если на ее съездах советов формальное большинство оказывается за трудовым крестьянством.

Указанный принцип был заострен и отточен при октябрьском захвате власти и еще раз проведен с успехом на практике при устранении второго, запоздавшего двоевластия, при ликвидации Учредительного Собрания. Выборы в столицах, в промышленных районах, в армиях Северного фронта, находившихся под идейным воздействием пролетариата, дали подавляющее большинство большевистских депутатов. Значительное количество их пришло вообще из армии, т.-е. из крестьянской среды, ставшей во время войны более сознательной, и из губерний Северо-Западного края, опять-таки находившихся под идейным влиянием пролетариата Питера и Москвы. Это было большинство, достаточное для устранения нового двоевластия и увлечения за собой и руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями. II двоевластие было устранено.

Тут же осуществился и тот принцип, о котором мы говорили выше: революция „совершенствует“ старое государство, доводит его верховный орган до высшего предела, когда „исполняется мера“, чтобы вовсе уничтожить его.

V.

В предшествующем мы сосредоточили все внимание на самом основном в учении Ленина о государстве: на противополжении пролетарского государства государству буржуазному, на необходимости первого, как условия для достижения конечной цели трудящихся, и на важнейшем моменте всякого учения о государстве, именно вопросе о власти. Разработка детальной конструкции пролетарского государства, то или иное построение того или иного орудия его, аппарата, учреждения не входят в задачу Ленина-теоретика государства; это — дело Ленина-политика, Ленина — „государственного человека“, наконец Ленина — председателя Совета Народных Комиссаров. Однако, теоретическое обоснование основных политических, публично-правовых, — как сказали бы государствоведы профессионалы, — устоев пролетарского государства не является деталью, мелочью, о которых теоретик не может и не должен высказывать общих принципиальных соображений. Мы могли бы сказать, что эти устои не носят столь общеобязательного характера, как диктатура пролетариата, это *conditio sine qua non* переходного от капитализма периода, что они допускают варианты в зависимости от места и времени, но должны добавить,

что пролетарское государство налагает на них свой особый отпечаток, дает определенные директивы, уклонение от которых принципиально невозможно. Стараясь быть менее всего юристом, мы все же вслед за Лениным должны в нескольких словах наметить эти общие нормы государственного права переходного периода.

Прежде всего вопрос о государственном строении... Каким должно быть принципиально пролетарское государство, государство революции, единым централизованным или федеративным, децентрализованным? В данном контексте нас, конечно, не интересует отличие принципа автономии от принципа федерации и последнего от принципа конфедерации. По этому вопросу Ленин-теоретик следует за Энгельсом, Ленин-политик останавливается на одной из возможностей, не альтернативных, а директивных, указанных также Энгельсом.

С точки зрения пролетариата и пролетарской революции, Ленин, как и Маркс и Энгельс, отстаивает принцип демократического централизма, единую и нераздельную республику. Федеративная республика возможна как исключение, ибо она, в сущности, является помехой развитию-отмиранию пролетарского государства, помехой развитию коммунизму, а скорее способствует идеалу анархизма.

Пролетарское государство должно быть сильным, мощным, должно обладать единой волей и единым центром действия. Ему приходится вести ожесточенную вооруженную борьбу с капиталистическим окружением; оно представляет собою, по крайней

мере, на первых порах вооруженный и окруженный лагерь. Команда должна подаваться решительная и с уверенностью в ее выполнении; команда эта должна исполняться беспрекословно. Опыт Коммуны 1871 года подтвердила в этом отношении русская революция. Корректив к крайности централизма вносится его демократизмом: выборность высшестоящих органов власти органами нижестоящими вплоть до полноправных граждан. Этот принцип применялся Лениным в партии до революции, он же переходит в пролетарское государство после революции.

Но принципиально централизованное пролетарское государство допускает исключения в виду особых условий. Единственным, пожалуй, таким условием является наличие внутри одного государства нескольких наций. Ленин вслед за основоположниками марксизма не отмахивается от национального вопроса; напротив, при наличии различных наций он допускает изъятие из принципа единства. Принципы пролетарского государства, в глазах Ленина, не прокрустово ложе, в которое должны быть так просто, „ради самого принципа“, уложены нации. Больше того, провозглашается и Лениным-политиком проводится в жизнь требование самоопределения наций. „Мы не сторонники мелких государств“, — пишет Ленин в 1917 году, признавая за Украиной так же, как и за Финляндией, право на отделение, — но дружбу нельзя навязывать: ее можно завоевать дружественным же расположением, но ее нельзя захватить“.

Иное дело, когда пролетариат двух наций, совершив в двух национально-территориальных единицах революцию, соединяется в одном, таким образом, более крупном и сильном, пролетарском государстве. Поскольку налицо национальные различия, постольку подобное государство, очевидно конституируется как государство федеративное.

Вопрос о федерировании не стоит в прямой связи с вопросом о большей или меньшей „свободе“ в государстве. Единое государство, построенное на основе демократического централизма, может предоставить больше „свободы“, чем, скажем, федерация наподобие бывшей Германской империи, т.-е. когда автономная от общегосударственной власти местная власть сама не демократична. Эту точку зрения высказывает Ленин в 1917 году в небольшой статье с показательным заглавием: „Один принципиальный вопрос“. Итак, централизованное государство может быть демократическим, федеративное может им не быть; федерация пролетарских государств, как изъятие из общего правила вследствие национальных различий государств, из которых каждое будет построено по принципу демократического централизма, будет самым демократическим государством, предоставит трудящимся больше всего свободы, поскольку можно говорить о свободе при государственной форме общежития.

Более конкретно поставленный вопрос о демократии соприкасается с вопросом о системе избирательного права. Очевидно, что в сколько-нибудь крупном государстве прямое народоправство

невозможно. Значит, органы власти и в пролетарском государстве должны строиться по типу представительных учреждений. Опять-таки иное дело, как именно строятся эти учреждения, как они многочисленны, сколь широкие массы привлекаются к участию в них, какова пропорция между делегатами и делегирующими.

Представительные учреждения переходят как форма по наследству от буржуазного государства к пролетарскому, подобно тому, как они, тоже лишь как форма, перешли от сословно-представительной феодальной монархии к буржуазной парламентарной республике.

„Без представительных учреждений, — пишет Ленин, — мы не можем себе представить демократии, даже пролетарской демократии, без парламентаризма, — добавляет он, о чем речь будет ниже. — можем и должны, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не „избирательная“ фраза для уловления голосов рабочих“¹⁾.

Представительные учреждения, как органы власти, — форма; тип государства определяет их содержание. Но представительные учреждения предполагают определенно построенную избирательную систему. Ленин считает вопрос об избирательном праве частным, не принципиальным; по его мнению, „теория, т.-е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры“, не должна заниматься таким

¹⁾ Н. Ленин. „Государство и революция“, стр. 63.

специальным и второстепенным вопросом, как проблема избирательного права. Его мысль такова: для пролетариата, как для класса, вопросы избирательного права в такой же мере зависят от обстоятельств, места и времени революции, как для буржуазии вопрос, скажем, о саботаже пролетарской власти.

„Лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не „по плану“ какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы“¹⁾. В этих своих положениях Ленин не совсем прав. Детальное построение избирательной системы, ее „техника“, действительно, не является принципиальной проблемой. Конструкция и техника самих выборов в Советской Венгрии отличалась от таковых же у нас. Но избирательное право и в пролетарском государстве имеет свои принципиальные, теоретические стороны. Заслуга русской революции, между прочим, в том, что она эти стороны оттенила и подчеркнула.

Ленин прав когда он говорит, что наша система возникла стихийно. Действительно, выборы в советы рабочих депутатов происходили по фабрикам и заводам на общих собраниях рабочих без какого бы то ни было „избирательного закона“

¹⁾ Н. Ленин. „Пролетарская революция и ренегат К. Каутский“, Пгг. 1919 г., стр. 48

и т. п.; сами собой рушились такие черты избирательного права буржуазного государства его классической эпохи, как недопущение женщин, высокий возрастной ценз, ценз оседлости, хотя бы и минимальный. Но, ведь, не эти достижения характеризуют в существенном советскую избирательную систему, а именно лишение права голоса буржуазии, изъятие ее в этом отношении из сферы публичных прав. Это изъятие возникло, действительно, стихийно: выбирали в свой совет рабочие, выбирали своих депутатов; не выбирал предприниматель, не его посылали рабочие. Но Ленин совершает здесь методологическую ошибку: он возводит в принцип небольшой опыт Парижской Коммуны, между тем как имело бы больше оснований обобщение опыта революции с таким грандиозным размахом, как российская, практика которой после опыта Советской Венгрии и собственных нескольких лет жизни, по праву, может быть возведена в теорию.

Советская избирательная система существенно характеризуется лишением буржуазии избирательных прав, т.-е. разрушением принципа всеобщего избирательного права. Подавляемая при диктатуре пролетариата буржуазия не может не ущемляться и в своих политических правах, а одним из таких прав и является всеобщее избирательное право. В последнем счете, конечно, безразлично, каким способом буржуазия будет отставлена от пролетарских представительных учреждений, как органов власти, но всякое ее отсюда изъятие фактически будет изъятием всеобщего избирательного права из сферы государственного оборота.

Оно возвратится в общество тогда, когда оно не будет уже публично-правовой институцией, т.-е. в обществе безгосударственном. Пролетарское же государство в данном случае является диалектическим антитезисом, поскольку оно „возвращается“ к цензовому избирательному праву, именно к трудовому цензу.

Ленин прав, когда он изъе­млет из теоретического рассмотрения детали пролетарского избирательного права. При несомненном возникновении новых пролетарских государств в них возможны различные построения избирательных систем, — теория революции не есть застывшая догма, — но что опыт и достижения Советской России будут учтены западно-европейским пролетариатом, это несомненно, как показывает пример самой системы советов.

Эти советы, впервые ставшие органами власти пролетарского государства в октябрьской революции, теоретически считаются Лениным продуктом русской революции. Советы, с точки зрения Ленина, не единственная „форма правления“ пролетарских государств, хотя в самой России они выявили себя таковыми уже в революции 1905 года. Быть может, в какой-либо иной стране революционный класс создаст иную форму для пролетарской диктатуры (форму, — содержание ее в общем будет повсюду одинаково), ибо органы власти стихийно создаются революцией.

Таким образом Ленин не определяет положительно властные органы пролетарского государства, но дает это определение в отрицательной форме, он говорит, чем не могут быть такие органы;

Они не могут быть парламентами буржуазных государств. „Представительные учреждения (в пролетарском государстве) остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь нет“.

Не совсем точно Ленин видит характерный признак парламентарной системы в так называемом разделении властей. Но важно то, что он не находит места принципу разделения властей при диктатуре пролетариата, принципу, сопутствующему принцип парламентаризма. Буржуазия находит для себя более удобным провести разделение властей; пролетариат находит для себя возможным провести лишь распределение функций внутри единой власти, но считает необходимым соединение властей. По существу, конечно, и „разделение властей“ не может означать наличие нескольких различных государственных властей; это—лишь юридическая формальная организация буржуазного государства. В Северо-Американских Соединенных Штатах, где, казалось бы, принцип разделения властей проведен наиболее последовательно и до конца, все „власти“ соединены в руках одного класса капиталистов. Пролетариат же даже внешне, формально, не дробит суверенитета.

Отказ от принципа разделения властей знаменует соединение в пролетарских представительных учреждениях власти законодательной и исполнительной; власть судебная также принадлежит им, и они из себя только выделяют соответственные подорганы. Российские советы были законодательными и исполнительными учреждениями,

еще тогда, когда они были „неофициальными“ органами власти. Эти советы, в одно и то же время законодательствующие и проводящие в жизнь свои законы, по мысли Ленина, должны заменить парламентарно-представительные учреждения; об этом он пишет еще до захвата власти, в апреле 1917 года, в проекте изменений программы партии.

Отделение исполнительной, административной, „управленческой“ функции от парламента знаменует превращение его в учреждение „говорящее“, каково и самое филологическое значение слова „парламент“. Парламенту, в лице его членов, принадлежит лишь законодательная инициатива, обсуждение и принятие того или иного законопроекта. Непосредственное применение закона на практике, проверка его на опыте изъемлется при системе разделения властей из функций членов парламента; как правило, им запрещается даже совмещение депутатства с выполнением иной государственной работы. В этом качестве парламента, как „говорильни“, Ленин видит зло, равно как и в депутатском иммунитете. Эти принципы так называемого правового государства отмечаются Лениным. Не „говорящими“ только должны быть органы власти при диктатуре пролетариата, а и „работающими“. Члены советов и их высших соединений должны, кроме депутатских полномочий, стоять на той или иной практической работе, сопряженной с известными правами и обязанностями. Депутат не может почитаться лицом неприкосновенным, застрахованным от своих избирателей на весь срок своих депутатских полномо-

чий. Ленин выставляет требования, провозглашенные еще Великой Французской революцией, права отзыва депутатов в любое время. Таким образом парламентаризм заменяется Лениным иной системой властных учреждений, для России—советской системой.

Как пролетарское государство является высшим типом государства по сравнению с буржуазным, так, следовательно, советская республика является высшим типом республики по сравнению с парламентарной. „Не парламентарная республика,—пишет он сейчас же по приезде в Россию весной 1917 года,—возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад,—а республика советов рабочих, батрацких крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху“. Советская государственность признается им вообще высшим типом государственности, за которой и при которой начинается отмирание государства, как такового. „Выше, лучше такого типа государства, как совета рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем“.

Совмещая законодательные функции с исполнением законов, советы совмещают в себе выгоды парламентаризма, представительных учреждений с выгодой непосредственной и прямой демократии. „По сравнению с буржуазным парламентаризмом, это—такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение“. Как видим, здесь Ленин уже перестает считать советы „особо-национальной“, специфически российской формой диктатуры пролетариата. Он не

выставляет советы, как некий императив, для всякого пролетарского государства, но он признает именно за этой формой всемирно-историческое значение.

В своих тезисах об Учредительном Собрании Ленин еще больше конкретизирует это их значение. Третий пункт тезисов, искаженный при цитировании Каутским, гласит: „Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной, буржуазной республикой при Учредительном Собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму“ ¹⁾. Здесь оттеняется еще одна черта советов: как классовые и массовые органы, они единственно способны наиболее безболезненно для общества в целом проводить политику пролетарской диктатуры.

Советы являются органами этой диктатуры; они не органы самоуправления трудящихся, не органы местного самоуправления вообще, вернее, не только органы самоуправления, но и органы управления, органы власти. Еще в недрах старого государства, при своем рождении, при указанном нами двоевластии, советы являлись уже органами борьбы за власть. Создавать советы значит

¹⁾ Н. Ленин. Собр. соч., т. XV. В данном контексте нас могут интересовать оттенки, вкладываемые в понятия „республика советов“ и „советская республика“.

создавать органы непосредственной борьбы пролетариата за власть. Эта мысль принадлежит Ленину 1906 года. Уже тогда он понял и оценил истинное значение и назначение советов, уже тогда, кстати сказать, он проектировал Учредительное Собрание как „совет советов“.

Советы теряют всякий смысл, если они отказываются от власти, от борьбы за власть. Это — их жизнь, специфическая жизнь одной из форм рабочего движения. Не борющиеся за власть советы — не советы. „Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности советы могут, только взяв государственную власть, ибо иначе им нечего делать, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки“.

Жизнь советов — борьба, борьба есть движение вперед; „иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни идти вперед, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед“. Если таким образом советы являются своеобразным фактором движения вперед, а революция и есть ускоренное движение вперед, то революция невозможна без советов, как и советы без революции. И в глазах Ленина революция разделяет судьбы советов: „если бы народное творчество революционных классов не создало советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным“.

Нужно сказать, что большинство наших выдержек о советах, как органах власти при диктатуре пролетариата, относится ко времени до Октябрьской революции, а это значит, что в указанной прин-

ципиальной оценке советов Лениным руководили не узко-партийные взгляды (большевики в то время не составляли большинства в советах), а классовое чутье и марксистский анализ теоретика и политика в одно и то же время.

Даже после событий 3—5 июля, когда, казалось бы советы изменили революции, Ленин, подчеркивая, что „власть сейчас нельзя уже мирно взять“, что вне этого взятия победы революции быть не может, указывает: „Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу советов, это так. Это не вопрос о советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контр-революцией и с предательством данных советов“¹⁾. Тем более ясным представлялся вопрос к концу 1917 года, когда большинство в советах уже доказало свою революционность захватом власти. Советская власть, очевидно, не могла означать министерство из партий советского большинства, а могла быть только властью советов. Уже оформившееся пролетарское государство, знаменующее смерть старых по типу органов власти, предопределяло тем самым и смерть Учредительного Собрания, которое тянуло вспять, отразив группировки I съезда советов и как бы прослав группировки II и III съездов.

Российские советы, пройдя горнило небывалой по размаху пролетарской революции, выявили себя

¹⁾ Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV. ч. II, стр. 18.

как действительно универсальные прообразы пролетарских властных органов, опередив таким образом практически ленинскую теорию 1918 года о них, как о не обязательных для всякой революции учреждениях. Коммунистический Интернационал уже и в теории смотрит на них как на органические факторы пролетарских революций на Западе и как на будущие органы власти пролетарской диктатуры вообще.

Но если и следует кому называться „отцом“ советов, так это—Ленину, ибо он первый признал в них форму пролетарского государства.
